

Е. А. Матвиенко

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируются идеология и практика радикального исламизма. Постулируется, что распространение радикального ислама представляет собой одну из глобальных проблем, с которыми сталкивается современное человечество. По своим деструктивным последствиям данная религиозно-политическая идеология и вытекающая из нее социальная практика могут быть поставлены в один ряд с идеологией и практикой нацизма.

Противодействию радикальному исламизму не уделяется в современном мире достаточного внимания (отчасти из-за того, что не до конца осознается степень его опасности, отчасти — из-за ложно понимаемой политкорректности, боязни затронуть религиозные чувства приверженцев ислама). Вследствие этого позиции радикалов укрепляются, информационная война с ними пока безуспешна. Необходимо принятие членами мирового сообщества срочных согласованных мер, направленных на борьбу с исламизмом. Одной из них должно стать автоматическое признание экстремистскими всех групп и организаций, исповедующих идеологию радикального исламизма.

Ключевые слова: глобальные проблемы современности, культура, толерантность, исламизм, идеология.

Е. А. Matvienko

ISLAMIC RADICALISM AS A GLOBAL PROBLEM OF MODERNITY

Ideology and practice of the radical islamism are analyzing in the article. The author declare that the spreading of the radical islamism is one of the global problems of modern civilization.

This religious and political ideology and corresponding social practice lead to destructive aftermaths which may be supplied in a number standing alone with ideology and practice of national-socialism. We don't pay the necessary attention to counteraction to the radical Islamism. There are two reasons: we don't understand the degree of its hazard and we are bound with wrong conception of political correctness. We're afraid to hurt muslim's feelings. Because of this radical's positions becoming stronger. Informational war against them don't bring success. International community need to take urgent and agreed measures to struggle with Islamism. One of them — automatic consideration every group or organization acclaiming the ideology of the radical islamism as an extremist group.

Keywords: the global problems, culture, tolerance, Islamism, ideology.

Человеческая цивилизация сталкивается сегодня с огромным количеством проблем. Особое место среди них занимают проблемы глобальные — загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, неконтролируемый рост населения, все возрастающая диспропорция в уровне социально-экономического развития между странами «Золотого миллиарда» и остальным человечеством, противоречия глобализации, международный терроризм...

С недавних пор в этот список, на наш взгляд, следует включить и распространение идеологии и практики радикального исламизма. Она тесно связана с иными перечисленными проблемами,

особенно с тремя последними. Более того, эти проблемы входят в предопределивший распространение исламизма причинный комплекс. Но, будучи отчасти порождением цивилизационного неравенства и «перегибов» глобализации, исламский радикализм сегодня превратился в самостоятельного «игрока», деструктивное воздействие которого проявляется далеко не только в актах международного терроризма. Он выступает как альтернатива современной культуре, прежде всего — ее западному, претендующему на универсальность варианту. Эта альтернатива, будучи вполне реальной, оказывается вместе с тем во многом разрушительной для культуры вообще. Если она

возоблаждает, человечество в своем развитии будет отброшено далеко назад.

При всей их разноплановости глобальные проблемы человечества объединяет то, что они, во-первых, касаются прямо или косвенно всех жителей Земли, а во-вторых, то, что они не могут быть решены усилиями одной страны или даже группы стран. Требуется согласованная деятельность всех народов и государств, а с этим, к сожалению, возникают большие проблемы. Чем раньше необходимость совместных действий будет осознана, тем быстрее удастся приступить к решению проблемы «радикальной исламизации». Однако сделать это мешает, помимо прочего, нерешенность ряда общетеоретических (в том числе социально-философских) вопросов. Постараемся обозначить их ниже.

На протяжении всей своей научной карьеры автор этих строк последовательно выступал противником любых проявлений европоцентризма. Сторонники этой доктрины утверждают, что европейская (западная) культура является передовой. Прочие культуры трактуются в лучшем случае как отсталые, в худшем — как принципиально ущербные. Эта позиция открыто высказывалась в эпоху колониализма, обретя свое крайнее выражение в постулате о «бремени белого человека». В дальнейшем, с одной стороны, успехи социально-гуманитарных наук все более раскрывали перед европейцами сокровищницу достижений неевропейских культур. С другой стороны, на Западе утверждаются идеология сверхценности прав человека, принципы толерантности (в том числе в ее гротескной форме — политкорректности). Открыто занимать европоцентристские позиции становится «дурным тоном». Постепенно формируется поколение ученых, философов, политиков, людей искусства, в конце концов — простых обывателей, которые вполне искренне разделяют постмодернистский дискурс принципиального плюрализма всего и вся. Это, конечно, не мешает европоцентристским стереотипам сохраняться в качестве допущения парадигмального уровня, в качестве некоего элемента коллективного бессознательного Запада, прорываясь иногда в науку и социальную философию в форме теории модернизации, транзитологии и т. п.

В целом описанную трансформацию общественного сознания Запада можно оценить положительно. Автор вслед за своим учителем

профессором С. Э. Крапивенским рассматривает культуру прежде всего как механизм адаптации общества к тем природным и социальным условиям, в которых он оказывается волею исторической судьбы [1, с. 312]. Многообразие условий порождает многообразие культур. Это многообразие, эта, используя выражение К. Н. Леонтьева, «цветущая сложность» есть залог выживания человечества в условиях меняющегося мира [2, с. 25].

Ни в коей мере не ставя под сомнение все вышесказанное, в данной статье нам хотелось бы, однако же, обратить внимание на следующую проблему: а существуют ли некие границы, за которыми говорить о толерантности неуместно, а то и просто опасно? Является ли уважение к иной культуре и ее носителям чем-то абсолютным или оно все же относительно, и не следует приносить в жертву абстрактным теориям конкретные жизненные интересы общества? Или же, переводя разговор в конкретную плоскость, следует ли признать, к примеру, каннибализм или ритуальные человеческие жертвоприношения «нормальным» явлением, если они имеют в какой-либо культуре глубокие исторические корни, выступают как ее интегральная часть? Более того, обязаны ли мы уважать подобные культурные феномены? Обязаны ли мы создавать условия для беспрепятственной реализации такого рода культурных практик? Обязаны ли мы это делать и в том случае, если речь идет не о каком-либо африканском или южноамериканском племени, но об эмигрантской общине в одной из стран Европы?

Думается, риторический характер последних вопросов очевиден. Мы их приводим лишь для того, чтобы показать, что всякая терпимость имеет (должна иметь) свои границы. То, что разрушает физическое и духовное здоровье человека, не может одобряться или молчаливо допускаться обществом даже в том случае, если такого рода деструктивные явления имеют некую культурно-историческую почву. Как и любой механизм, механизм культуры может давать сбой. Он может устареть либо утратить свой адаптационный потенциал в связи с изменением условий существования для отдельной группы носителей данной культуры. Здесь уместно вспомнить широко известную характеристику исторической школы права, данную К. Марксом: «Школа,

которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего...» [3, с. 416].

Мы предвидим здесь справедливое возражение: а кто вправе выступать в данном вопросе судьей? Может ли человек, не являющийся носителем конкретной культуры (а стало быть, принадлежа к иной культурной традиции), непредвзято оценить тот или иной ее элемент, не вырывая его из культурного контекста, не навязывая бессознательно чужой для него культуре собственные оценки и ментальные стереотипы?

Вряд ли можно ответить на этот вопрос однозначно положительно. Мы говорим в данной статье о европоцентризме, так как именно он важен для нас в контексте избранной темы. Однако европоцентризм представляет собой частный случай культуроцентризма, свойственного всем без исключения народам и цивилизациям. Любая культура склонна в большей или меньшей степени рассматривать себя как эталон, а достоинства других культур измерять их близостью к этому эталону. И склонность эта, очевидно, до конца не устранима, так как выступает мощным средством сохранения культурной идентичности, создает стимул для развития культуры.

В то же время признание ценности многообразия культурных форм, признание невозможности (да и бессмысленности) их сравнения в целом вовсе не означает, на наш взгляд, невозможности своего рода «выбраковки» некоторых из них. Здесь могут (и должны) быть предложены объективные критерии, снимающие (или, по крайней мере) сводящие к минимуму культуроцентристские оценки. Возможность таких критериев вытекает из того очевидного факта, что непременное условие существования и развития любой культуры — сохранение жизни и здоровья ее носителей. Отсюда вывод: любые культурные феномены, ведущие к разрушению этих абсолютных ценностей, не имеют права на существование. И неважно, куда направлены агрессивные импульсы — внутрь культуры или вовне, на представителей иных культур. Реакция государственной власти и общества в любом случае должна быть максимально быстрой и максимально жесткой. Межкультурный диалог здесь вряд ли уместен.

Проиллюстрируем этот тезис на следующем примере. Во всех демократических политиях

признаются в качестве важнейших ценностей свобода слова, собраний, организаций, плюрализм политической жизни. Однако это вовсе не исключает преследования тех граждан и организаций, которые все эти ценности сознательно и последовательно отвергают. Так, в нашей стране в последние годы активно развивается антиэкстремистское законодательство, формируется соответствующая правоприменительная практика. В Германии же Федеральная Служба защиты конституции действует уже с 1950 г. Ее основная задача — противодействие разного рода экстремистским группировкам. Исходно речь шла прежде всего о борьбе с ультраправыми, неонацистскими структурами. Позже к ним добавились радикальные левые организации, прежде всего — печально известная «Фракция Красной Армии» и т. п. Служба до сих пор активно работает, необходимость ее деятельности очевидна. При этом никому и в голову не приходит объявить Германию недемократической страной. Очевидно, что демократия должна уметь себя защищать.

Следует, однако, признать, что такая защита необходима не только политической системе, но и культуре в целом. И вот здесь складывающаяся ситуация представляется нам очень тревожной. На наш взгляд, спецслужбы и Германии, и России, и иных европейских стран не уделяли и не уделяют до сих пор достаточного внимания самой острой глобальной проблеме современности — лавинообразному росту популярности в современном мире идей радикального исламизма.

Впрочем, это вряд ли может быть поставлено в вину «силовикам». Именно они, к сожалению, часто только они находятся на переднем крае борьбы с этой «чумой XXI века». Однако в демократическом государстве «карательные органы» находятся в зависимости от политического руководства, от позиции интеллектуалов и СМИ и формируемого ими общественного мнения. Последние же пока, мягко говоря, далеки от осознания остроты проблемы. Политики озабочены лишь предвыборными перспективами (а в той же Франции, например, мусульман уже более 10 %, игнорировать, а тем более восстанавливать против себя такой электоральный ресурс вряд ли кто-то решится). Интеллектуалы, особенно левые, продолжают пребывать в плену мультикультуралистских иллюзий (хотя провал тако-го рода политики

очевиден уже и для правящей элиты Европы), твердить об универсальных правах человека и иных стремительно теряющих свою привлекательность либеральных ценностях. Журналисты, газеты и телеканалы, с одной стороны, боятся быть обвиненными в неpolitкорректности, а то и хуже того — в расизме или нацизме. С другой — вполне реальна опасность заплатить своей жизнью за свою смелость, что ярко продемонстрировала расправа исламистов с сотрудниками «Шарли Эбдо». Ради справедливости следует сказать, что смелость последних была скорее следствием неумной бравады, чем желанием честно высказаться по принципиальному, важному для социума вопросу, что, впрочем, ни в малейшей степени не оправдывает убийц...

В самое ближайшее время следует ждать еще большего обострения ситуации в Европе в связи с устремившимися туда колоссальными потоками беженцев из азиатских и африканских стран. Заметим, что его увеличение сплошь и рядом связано именно с активизацией деятельности исламистов на их родине. Несчастные люди, вынужденные спасать свою жизнь, сотнями тысяч устремляются в «Землю обетованную», каковой представляются им страны Евросоюза. Но даже тех, кому удастся туда добраться, ожидает в лучшем случае полумаргинальное существование на обочине западной цивилизации. Разумеется, они мечтали отнюдь не об этом. Недовольство как «коренных», так и «новых» европейцев будет усиливаться, уже вспыхивающие конфликты будут разрастаться. Беженцы (в основном выходцы из мусульманских стран) — это максимально благодатная аудитория для разного рода исламистских проповедников. Эти люди озлоблены, терять им попросту нечего. И находятся они теперь в самом сердце западной цивилизации — в Европе...

Не получая внятных сигналов поддержки и одобрения от власти, та часть общества, которая всерьез озабочена складывающейся ситуацией и настроена на конструктивный диалог с мусульманским миром, не может консолидироваться и последовательно активно выступить против экстремистов от религии. В результате участие в антиисламистском движении предстает как удел разного рода маргиналов, реакционеров, ультраправых, что дискредитирует его и не позволяет превратиться в серьезную

политическую силу. Впрочем, определенные, хотя пока и недостаточные сдвиги происходят. Событиями интеллектуальной жизни стали публикации исследования Тило Саррацина «Германия: самоликвидация» (2012 г.), антиутопия одного из наиболее влиятельных современных французских писателей Мишеля Уэльбека «Покорность» (2015 г.) готовится к изданию на русском языке. С 2014 г. пристальное внимание привлекает деятельность движения PEGIDA (Патриотические европейцы против исламизации Запада). Растет популярность умеренных партий правового спектра, готовых к сотрудничеству с государством и гражданским обществом, пытающихся дистанцироваться от правозэкстремистских идей. Но еще раз подчеркнем, что пока все это лишь тенденция, хотя и обнадеживающая.

Однако наиболее одиозные формы деятельности адептов радикального ислама приняла в рамках так называемого «Исламского государства» (хотя и до него исламисты запятнали себя множеством кровавых преступлений). Тысячи террористических актов уносят жизни сотен тысяч людей. Еще большее их количество погибает в локальных войнах. Миллионы становятся беженцами. На контролируемых ИГ территориях планомерно осуществляется геноцид шиитов, курдов, христиан, истребляются все, кто выступает против исламистов или просто кажется им таковым. Страдают от деятельности экстремистов, заметим, прежде всего сами мусульмане. Уничтожаются культурные ценности, ровняется с землей сама история человечества (в том числе история самих арабов — достаточно вспомнить пережившую два тысячелетия и разбитую на наших глазах знаменитую статую, известную как «Лев Аль-Лат»). Едва ли не в прямом эфире мы вынуждены наблюдать, как превращаются в пыль античные памятники Нимруда и Пальмиры. Автор, историк по образованию, вполне осознает масштаб этих невосполнимых потерь и завидует менее сведущим в истории людям...

Сходные события начинаются везде, где идеи радикального исламизма получают сколько-нибудь широкое распространение (Афганистан: вспомним взрыв уникальных статуй Будды в провинции Бамиан); Судан: по самым скромным оценкам, в результате геноцида, устроенного исламистским режимом генерала аль-Башира,

было уничтожено около 300 тысяч жителей провинции Дарфур; Сомали, Ливия, Нигерия, Тунис, Египет, Мали и т. д.). Хаос и разрушения, которые несут миру радикалы, опираются на поддержку (как минимум финансовую, политическую и информационную) тех государств, где ислам салафитского толка является государственной религией (прежде всего Саудовской Аравии и Катар).

В задачу данной работы не входит анализ «причин болезни (тем более что к ним мы уже имели возможность обратиться) [4, с. 137—142]. Необходимо понять, что же делает мировое сообщество (что бы ни понималось под этим расплывчатым термином) для противодействия распространению радикального ислама?

Делается многое, и вместе с тем делается совершенно недостаточно. Усилия сосредоточены в военной и дипломатической плоскостях, на деятельности правоохранительных органов и специальных служб. Все это важно. Но главная битва разворачивается сегодня в информационном пространстве, идет сражение за души людей, и прежде всего — за души молодых людей (причем, как показывает практика, отнюдь не только «мусульман по рождению»). И эту битву мы, увы, проигрываем, о чем неоспоримо свидетельствует постоянное пополнение рядов ИГ бойцами из самых разных уголков земного шара.

Перелом в информационной войне может быть достигнут только в том случае, если мы наконец отбросим ложную политкорректность и начнем называть вещи своими именами. Необходимо признать, что основной корпус исповедуемых исламистами идей органично вытекает из исламского фундаментализма как такового, более того, с неизбежностью порождается им при наличии ряда социально-экономических и политических условий (увы, слишком часто складывающихся в различных частях исламской цивилизации). А раз возникнув, эти идеи приобретают относительно независимый от базовых условий характер. Они превращаются в самоподдерживающуюся и самовоспроизводящуюся систему, которая распространяется подобно метастазам раковой опухоли.

Без пристального внимания именно к религиозной составляющей этих идей выстроить контрпропагандистскую стратегию заведомо невозможно. К сожалению, террористы имеют вероисповедание, и это вероисповедание —

салафитский вариант ислама — серьезнейшим образом влияет на их террористическую деятельность. Однако здесь мы наталкиваемся на серьезнейшую проблему, нерешенность которой нередко сводит на нет все усилия в идейной борьбе с экстремистами. Противодействие исламскому радикализму в глазах верующих мусульман легко может предстать (или быть представленным) борьбой с исламом как таковым. В словосочетании «радикальный ислам» чиновники, полицейские и журналисты, часто не принадлежащие к исламской культуре, делают логическое ударение на первом слове. Исламистские же идеологи — на втором. А поскольку именно они говорят на языке, куда более близком и понятном основной массе рядовых верующих, далеких от разного рода религиозоведческих тонкостей и полутонув, они легко примеряют на себя мантию защитников истинной веры. Власти же оказываются в роли ее гонителей, к которым у мусульманской части населения формируется соответствующее отношение.

Таким образом, практика показывает, что малоэффективно клеймить салафитский вариант ислама как «неправильный» — с равной легкостью экстремистские идеологи доказывают, что «их» ислам и есть единственно правильный, по-путно формируя негативный образ государственной власти и всех ее поддерживающих как враждебно настроенных по отношению к исламу и мусульманам. Малоэффективно признавать экстремистскими все новые и новые конкретные исламистские группировки — постоянно появляются десятки «клонов», исповедующих ту же самую идеологию. Что же делать в складывающейся ситуации, которая, это приходится признать, все более окрашивается в апокалиптические тона?

На наш взгляд, необходимо, во-первых, зафиксировать (в том числе законодательно как на национальном, так и на международном уровне) преступный характер радикально-исламистской идеологии вообще (приравняв ее, к примеру, к идеологии национал-социализма).

Ее основные принципы достаточно хорошо известны. К ним можно отнести такие положения, как: 1) безусловное превосходство ислама над всеми иными религиозными традициями, включая монотеистические; 2) неразрывное единство

исламской религии и политики. Радикалы утверждают, что ислам может считаться полноценным только в том государстве, где он является официальной (и единственной) религией; 3) полное, всестороннее и исчерпывающее выражение в мусульманской религии личности приверженца ислама. Мусульмане всего мира составляют единую общность — умму. Умма понимается исламистами как «подлинно богоизбранный народ». Отсюда вытекают панисламистские концепции, ратующие за объединение мусульман всего земного шара в общее государство; 4) идеализация государственно-политической системы, которая существовала в му-сульманском мире в период правления пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов; 5) культивирование у приверженцев исламизма фатализма, фанатизма, мусульманского энтузиазма, воинствующий характер их деятельности; 6) нетерпимость к иным религиозным и вообще взглядам, отличающимся от их собственных; 7) нацеленность на борьбу с врагом. Последний определяется понятием кяфир (неверный). Радикалы подводят под эту категорию не только «неистинно верующих» среди самих мусульман, но и любой немусульманский социум в целом; 8) особым образом интерпретируемое понятие джихада. Исламистами джихад понимается прежде всего как наступательная война с «неверными». Такая война объявляется единственной и неизбежной формой борьбы за торжество ислама. Участие в ней для мусульманина обязательно, составляет его религиозную обязанность [5, с. 60—71].

Наличие такого рода положений в идеологии той или иной группы или организации автоматически, без дополнительного судебного решения должно переводить ее в разряд экстремистских с применением к ее членам всего набора предусмотренных законом санкций.

Во-вторых, необходимо постулировать, что такого рода идеи не являются исламскими в принципе, хотя и выступают как продукт исторического развития исламской культуры. Точно так же, например, имеют мало общего с христианством многие исторические эксцессы периода Средневековья: деятельность инквизиции, «охота на ведьм», религиозные войны и т. п. Здесь перед нами яркий пример дефектного культурного феномена, разрушительного как, прежде всего, для его

носителей, так и для остального мира. Чем скорее мы признаем этот факт, тем больше шансов надеяться на выздоровление исламской цивилизации от поразившего ее смертельного недуга.

Отделив (в том числе на понятийном уровне) салафизм и его идеологические производные от здорового ядра исламской культуры, мы получим шанс и сохранить это ядро, и уберечь иные цивилизации от перманентной исламской революции. Толерантность по отношению к идеологии и практике, для которых принципиальная интолерантность является альфой и омегой, поистине самоубийственна.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в достаточно радикальном характере такого шага. Но его практическая необходимость представляется нам неизбежной, полумеры здесь не помогут. В плане же теоретическом требуется выступление единым фронтом традиционного исламского духовенства, политологов, религиоведов и философов, наконец, законодателей и правоприменителей. Необходимо обратить себе на пользу такую особенность ислама, как неоднородность исламского вероучения (несмотря на наличие ряда бесспорных для всех мусульман положений). Исламская цивилизация никого не наделяет таким статусом и авторитетом, каким обладает, к примеру, Папа Римский в глазах католиков. Ни один человек, ни одна организация, ни одно государство исламского мира не имеют права либо фактической возможности говорить от имени всех мусульман.

Используя эту цивилизационную особенность, необходимо постараться утвердить новый подход к проблеме радикального ислама и решить эту проблему с минимальными потерями для человечества. Но времени остается все меньше и меньше, оно сжимается в обратной пропорции к разрастанию границ нового халифата — не только в географическом, но и в виртуальном пространстве.

Список библиографических ссылок

1. Крапивенский С. Э. Социальная философия. Волгоград: Комитет по печати, 1994.
2. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Византизм и славянство. Великий спор. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
3. Маркс К. К критике гегелевской философии права / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
4. Матвиенко Е. А. Современный исламский терроризм: сущностные признаки и пути противодействия // Вестник ВА МВД России. 2009. № 4. С. 137—142.
5. Матвиенко Е. А., Доронин Ю. П., Зуева О. В. Экстремистские идеи в идеологической палитре современного мира. Волгоград: ВА МВД России, 2015.

© Матвиенко Е. А., 2015